

Снафф (англ. *snuff*) — нюхательный табак; *перен.* нечто остренькое.

Снафф-муви — это документальное кино, где запечатлено настоящее насилие или убийство.

Она всегда мечтала стать звездой. Но, видимо, так было предопределено свыше, что смысл ее земного существования оказался намного прозаичнее. Правда, о занятиях подобного рода не принято распространяться на широкой публике. Об этом не расскажешь маме, не похвастаться перед школьными друзьями. Она торговала собой, и, какими сладкими эпитетами это ни назови, суть дела все равно не менялась. Поэтому, услышав неожиданное: «Девушка, а вы не хотите сняться в кино?», она на мгновение лишилась дара речи.

Респектабельный мужчина лет тридцати с небольшим, похоже, получил удовлетворение от минутной немой сцены, когда будущая актриса хватала ртом воздух и смотрела на него во все глаза. Одетый стильно и дорого, он мог оказаться кем угодно: обаятельным бандитом или владельцем собственной киностудии. Но его взгляд был мягким, а улыбка искренней и такой открытой, что все сомнения развеялись сами собой. Она доверилась ему.

На большом пальце у мужчины оказалось огромное родимое пятно лилового цвета, которое он время от времени поглаживал. Массивное кольцо с бриллиантом золотом опоясывало меченый палец. То ли камень сверкал слишком сильно, то ли неуместные вопросы типа: «А не больно ли это?», «Не вредно ли?» — лезли в голову девушке, но нить беседы постоянно ускользала от нее. Она не сводила глаз с родимого пятна...

Съемки проводили на территории какого-то особняка, со всех сторон окруженного кедрами. Участники

действия собрались возле открытого бассейна. Удивительно, но их, включая дебютантку, оказалось только четверо. Один, по всей видимости, оператор, огромный мужчина с бородой, колдовал над камерой. Он недовольно хмурился, наводя объектив то на воду, то на оживленное лицо кинодельца. Тот давал последние инструкции бледной от волнения девушке и молодому человеку в махровом халате. Палец с родимым пятном то выразительно взлетал вверх, то опускался вниз. Бриллиант сверкал в свете многочисленных ламп, расставленных по периметру бассейна, и казался начинающей актрисе едва ли не небесным знамением, предвещающим грядущие перемены в ее невеселой жизни.

Мужчина сбросил халат и, ничуть не смущаясь своей наготы, походкой короля прошелся по бортику бассейна, потрогал воду и, зябко крикнув, погрузился в нее до подбородка. Девушка медлила. Ей не впервой было раздеваться на людях, но непонятное волнение беспокоило ее и не давало расслабиться. Может, всему виной была прохладная летняя ночь, когда звезды на небе казались ледяными кристаллами, а вода не выглядела привлекательной даже в свете ламп? Но представитель киноиндустрии уже хмурился. Спешно, чтобы не вызвать его недовольства, девушка опустила в воду и даже не вскрикнула, когда та заключила ее в свои холодные объятия.

«Снимаем сцену любви. Все должно быть натурально. Двигайтесь естественно. Излишней театральности мне не надо». Вот так. Коротко и ясно. Справиться с задачей не составило особого труда. Нужно было только немного отвлечься и не обращать внимания на оператора, который снимал ее лицо крупным планом.

Самец, поигрывая рельефной мускулатурой, приблизился к ней, прижал к бортику бассейна, больно сдавил грудь. Он мог бы действовать и нежнее, коль скоро речь зашла о любовной сцене... Но замечаний от режиссера не поступило, и девушка предпочла воздержаться от критики. Между тем партнер приподнял ее за бедра. Поясницу царапнуло что-то неровное. Ох, черт! Она обязательно попросит премиальные. Нужно только немного

потерпеть. Будет досадно, если ей откажут от роли после всего того, что ей уже довелось пережить. Мужчина заработал, как отбойный молот, едва не пробивая ею стену бассейна. Она прикрыла глаза.

Что можно купить на такую уйму денег? Ну, конечно, заграничный тур. Она выберет для себя что-нибудь экзотическое с морем и пальмами. На остатки можно будет обновить гардероб. Купить новую шубу...

Ох, ну когда же это закончится? Вода казалась ледяной. Все тело кололо малюсенькими иголочками, а жеребец исправно выполнял свое дело. Интересно, она должна изображать удовольствие? Вряд ли это получится у нее убедительно. Мужчина просто разрывал ее на части.

Итак, шуба... Она должна быть свободная в распуск или с поясом, как пальто? Да какая разница, если она может позволить себе и то, и другое? Кстати, если купить машину, то она может вполне обойтись короткой стильной курткой из меха. Конечно, на приличную иномарку ей не хватит...

Девушка взвизгнула. Самец укусил ее за шею. Она не видела, но ощутила, как загорелся на молочно-белой коже подковообразный след. Невзирая на договоренности, она взорвалась. Что было силы она дала кулаком по самодовольной физиономии. Если партнер опешил, то лишь на мгновение. В следующий момент он перехватил ее руки своими железными пальцами. Девушка завертела головой, отыскивая режиссера. Тот, словно ничего не происходило, стоял рядом, наблюдая разворачивающуюся на его глазах сцену сосредоточенно, как натуралист смотрит на копошащихся муравьев. Камера наезжала на лицо девушки. Бородач был занят работой.

«Кончай ее!»— последовала команда, и палец с родимым пятном опустился вниз. Бриллиант грозно сверкнул.

В этот момент руки самца сомкнулись железным обручем на шее девушки. Она расширила глаза, ничего не понимая, потом забилась, как рыба, попавшая в сеть. Открытый рот пытался захватить воздух, но он почему-

то иссяк. Ее тянуло под воду, которая стала почти горячей...

— Готово! Снято,— провозгласил человек с перстнем.

Он схватил за волосы голову девушки и приподнял ее над водой. Оператор зафиксировал посмертную маску. Палец в золотом обруче тоже попал в кадр...

Два года спустя...

Осень в этом году выдалась замечательная. И несмотря на то что октябрь уже подходил к концу, никакой сырости и слякоти не наблюдалось. Было сухо и солнечно. И хотя по утрам трава уже покрывалась холодной изморосью, днем озорное солнце разгоняло сезонную хандру. На деревьях золотом отливала листва, а в саду, что уж совсем удивительно, цвели розы.

Буйство природных красок тем не менее не радовало Елизавету Дубровскую. Прислонившись лбом к нагретому солнцем оконному стеклу, она рассматривала диковинные бутоны на клумбе, а мысли ее парили где-то очень высоко в ярко-синем небе с едва различимыми островками облаков. Она размышляла на типичную женскую тему: что надеть сегодня вечером и как вести себя в обществе почти незнакомых ей людей. Конечно, все было бы намного проще, если бы ее обожаемый супруг находился сейчас рядом с ней, а не на каких-то очень важных переговорах, назначенных совсем не кстат на выходной день. «Не волнуйся, дорогая. Если я опоздаю, то совсем ненадолго. Ты замечательно проведешь время с моими друзьями. Кстати, ты уже придумала себе костюм? Не забудь, мы же отмечаем Хэллоуин».

Это была идея Эммы, особы чрезвычайно активной и предприимчивой, собрать приятелей на базе отдыха и узким кругом отметить День Всех Святых. От гостей многого не требовалось: они должны были прибыть вовремя и захватить с собой подходящий к случаю наряд. Неписанные правила проведения подобного рода вече-

ринки обязывали каждого приглашенного облачиться в костюм ведьмы или вампира, раскрасить лицо шрамами, а также не забыть про вставные клыки и накладные когти. Экзотика дикой природы на одном из самых живописных озер, полнолуние и бесчинствующая нечистая сила — ничего не скажешь, ночь обещала быть веселой!

Сам Андрей рядиться во что-либо отказался, но затем принял положительно. И вот теперь бедная Лиза ломала себе голову, как одеться так, чтобы новые друзья не сочли ее слишком эксцентричной особой, а с другой стороны, прослыть занудой ей тоже не хотелось. В поисках золотой середины она перерыла содержимое своей дорожной сумки и косметички, но решение проблемы, видимо, пряталось не под ворохом нарядной одежды и не среди флаконов и щеток.

Дубровскую трудно было упрекнуть в излишнем самомнении. В новой компании она чувствовала себя неважно: немного робела, произносила неуклюжие фразы и краснела, как ребенок, которого любящие родители попросили прочитать гостям стихотворение. Она старалась не паниковать и взглянуть на ситуацию как бы со стороны, но от этого становилось еще хуже. Как в зеркале она видела свое отражение: невысокой, худенькой, как подросток, стеснительной девушки с небезупречными манерами.

А рядом был он: молодой и обаятельный, решающий любую проблему в два счета. Он был душой любой компании. Его везде ждали и все любили. Андрей мог найти выход из самой неловкой ситуации. Заметив, что его супруга застыла как изваяние, он непринужденно подхватывал адресованную ей реплику. Через минуту, направив разговор в нужное русло, он пасовал возможность ответа Елизавете. Та выходила из ступора, начинала о чем-то говорить, иногда даже удачно. Натянутость исчезала. Все шло своим чередом, только один вопрос, который никогда не задавался вслух, читался все же в глазах окружающих: что *он* нашел в *ней*?

Стоп! Может, проблема была именно в этом?

Их семейному союзу не исполнилось и года, а Елизавета Дубровская успела обрасти комплексами, как млада сосна побегам. Они появлялись исподволь, благодаря неосторожным репликам друзей и ядовитым комментариям злопыхателей. Кто-то посмеивался, кто-то разочарованно вздыхал. Незамужние женщины негодовали, будто этот странный брак наносил удар по их самолюбию. Их отцы искали скрытый подтекст: ну должна же быть причина, по которой местный король фармацевтики и самый завидный холостяк в городе предложил свою руку и сердце ничем не примечательной девушке.

Вне всяких сомнений, Лиза Дубровская была мила, но на конкурсе красоты не получила бы даже утешительного приза. Маленькая хрупкая фигурка без волнующих женских изгибов: едва заметная грудь, узкие бедра — словом, девчонка, пигалица! По-настоящему красивыми у нее были, пожалуй, только глаза. Огромные, обрамленные густыми загнутыми вверх ресницами, они меняли свой цвет в зависимости от освещения. Иногда они казались карими, иногда просто черными. На солнце в них плескались золотые искорки, которые придавали взгляду особое очарование. Темные волны густых волос оттеняли необычно белую кожу, столь непопулярную в эпоху бронзовых тел.

Умом ее природа не обидела. Получив престижное образование в области юриспруденции и работу в одной из адвокатских фирм города, Лиза ухитрилась сохранить почти детскую непосредственность и даже некоторую наивность. Практическая сметка если у нее и присутствовала, то в зачаточном, неразвитом состоянии. Каким образом Дубровской удалось заткнуть за пояс прожженных охотниц за толстым кошельком и стать законной супругой самого перспективного бизнесмена в огромном городе, было непонятно. Оставалось списывать все только на волю капризного случая и удивительного везения неизвестно откуда взявшейся девицы.

Любители чужих тайн пытались отыскать разгадку в происхождении невесты, но тщетно! Да, Лиза была до-

черью влиятельного регионального чиновника Германа Дубровского, имевшего все шансы продолжить свою карьеру на самой вершине власти. Но его скоропостижная смерть поставила точку в далеко идущих планах и внесла неприятные коррективы в жизнь домочадцев. Семья, состоящая из светской красавицы-жены, дочери и школьника-сына, за год спустила небольшое наследство, а служебные привилегии кормильца испарились сами собой. И если бы не чудесный взлет Елизаветы на самую верхушку деловой элиты большого города, ловить бы ей птицу счастья и дальше, перебиваясь от случая к случаю скромными заработками начинающего адвоката.

Оказавшись в большом загородном доме мужа, напичканном внушительным количеством прислуги, Дубровская поначалу испытала шок. Шло время. Она немного освоилась, но привычка ходить по краешку ковра, избегать общения с суровой домоправительницей и боязнь отдавать распоряжения так и остались. А вокруг было столько примеров успешных женщин! Лиза корила себя за стеснительность, злилась и давала себе обещания исправиться, но ее проблемы замкнулись кругом, из которого не было выхода...

Вывернув содержимое дорожной сумки на кровать, она горестно вздохнула. Отвратительно быть такой бездарностью в вопросах, которые для большинства женщин окажутся сущей безделицей. Лиза перевернула одежду и еще раз заглянула в сумку, по-детски надеясь, что сказочная фея подсунула ей неожиданный подарок, который разом решит все ее проблемы. Но на дне покоилась лишь тоненькая голубая папка, которую Дубровская успела прихватить с собой из юридической консультации.

«Прошу привлечь моего мужа к уголовной ответственности...» — гласила грозная надпись на первом листе. Но Лиза слишком хорошо знала, что за видимой суровостью документа скрывались отчаяние, страх и боль

женщины с печальными глазами. Это был вынужденный шаг, который жертва домашнего насилия сделала не без труда. «Он меня убьет! — говорила она, глотая слезы. — Вы должны остановить его». И Дубровская понимала, что это не пустые слова. Конечно, у нее нет полномочий арестовать негодяя, нет крепких мускулов, чтобы поставить его на место. Но она знает закон. Стало быть, выход из непростой семейной драмы обязательно найдется. Ей нужно лишь немного времени, чтобы наметить план действий.

Дубровская с гордостью подумала, что ее знания и небольшой адвокатский опыт могут принести ощутимую пользу. Как ни верти, это намного сложнее, чем подобрать правильный тон пудры к цвету лица. Посмотрела бы она, как стусевались бы светские красавицы, доведись им выступать с защитительной речью под сводами областного суда! Когда на тебя направлены десятки глаз, когда каждое твое слово оценивается — тогда вряд ли поможет тебе умение разбираться в тенденциях осенне-зимней коллекции одежды. И аромат дорогих духов не заглушит дрожащий тихий голос.

Но сегодняшний вечер — это не стадия прений в очередном уголовном деле. Значит, все-таки придется отложить в сторону кодексы и решить наконец проблему, какой бы глупой она ей ни казалась. Будь что будет! Она выйдет к приятелям своего мужа и примет участие в этой нелепой затее. Но изображать из себя ведьму? Увольте! Она обойдется простым черным платьем и маской. Быть может, под этой картонкой, с прорезями для глаз, никто и не заметит ее смущения...

В дверь вежливо постучали.

— Елизавета Германовна! Вас ждут.

Это был Ян, приятный молодой человек, подвизавшийся с недавних пор у ее супруга кем-то вроде охранника и водителя в одном лице. Андрей нанял его через агентство и фактически навязал Елизавете его услуги. Дубровская отвратительно водила машину и время от

времени попадала в рискованные ситуации. Избавив себя тем самым от головной боли за свою неразумную жену, Мерцалов с головой ушел в бизнес...

Лиза вздохнула. Как ей хотелось оказаться на месте этого молодого мужчины! Ему не придется прятать лицо под маской и вести пустую светскую беседу. Он сядет в стороне, возьмет в руки газету и будет изредка отрываться от строк, услышав чью-либо слишком громкую реплику или заразительный смех. Возможно, он даже посмеется в душе над ними, взрослыми людьми, забавляющимися, как дети. А может, отметит про себя ничемность своей молодой хозяйки, не умеющей веселиться и родеющей, как школьница. Конечно, он и бровью не поведет (он хорошо воспитан), но почувствует к ней что-то похожее на жалость или пренебрежение.

Ну, довольно о нем. Ей пора идти, и, если удача будет сегодня на ее стороне, вечер пройдет размеренно и скучно. Слишком бурное веселье в новой компании ничего хорошего не сулило.

Дубровская открыла дверь. Уже смеркалось. Фонари отбрасывали свет на крыльцо дачного домика, а полная луна уже успела занять свое место на небе. Ночь стояла на пороге, обещая искушающим ее людям море веселья и бездну ужаса...

— О великий бог ночи! Яви нам свое присутствие. Позволь приоткрыть врата тьмы и войти в твое царство. Позволь пройти тропой призраков, пересечь долину зла и подняться на вершину блаженства. Будь снисходителен к нам, ибо мы смертные...

Эмма громким шепотом произносила слова старого заклинания. Когда она поднимала руки вверх, браслеты на ее запястьях, звякая, опали ближе к локтям. Кулон в виде сердца подрагивал в ложбинке между полными грудями. Глаза были опущены, губы быстро шевелились.

Она сидела за круглым столом, на котором мелом были начертаны пентаграмма и еще какие-то значки в виде римских цифр и латинских букв. Фонарь в беседке легко

покачивался и скрипел, то ли от ночного ветерка, то ли действительно от присутствия чего-то потустороннего, необъяснимого. По лицам людей пробегали тени.

Дубровская содрогнулась. Ночь была прохладной, и она успела основательно промерзнуть. Ноги в легких туфлях превратились в ледышки. Еще немного, и она начнет шмыгать носом. Спрятав ладони в складках платья, она оглядела присутствующих. Маска была идеальным прикрытием. Она позволяла беззастенчиво разглядывать новых знакомых, не рискуя быть уличенной в дурных манерах...

Помимо нее и увлеченной гаданием Эммы за столом находились две молодые женщины. Одна из них, очаровательное капризное создание с целой шапкой золотистых кудряшек на голове, иронически шурилась. Она ни на минуту не прониклась мрачной торжественностью момента, а только покусывала пухлые губки, чтобы не расхохотаться. Это была Лара, жена одного высокопоставленного чиновника из мэрии, поэтому она смотрела на гостей немного пренебрежительно. Легонько постукивая длинным ногтем по столешнице, она вызвала явное неодобрение Эммы. Та уже несколько раз сбивалась с заранее заученного текста и бросала на Лару недовольные взгляды.

Другая женщина была если и не старше Лары, то серьезнее ее в несколько раз. Она держалась за краешек стола, вытянув вперед шею, и старалась не пропустить ни слова из цветистой речи колдуньи. Кажется, ее звали Мария. Она, в свою очередь, являлась женой директора развлекательного канала, но представительницей богемы ее нельзя было назвать даже с натяжкой. Женщина была начисто лишена светского лоска и в довольно дорогом костюме походила на рабочую лошадь, облаченную в парадную сбрую. Во всей ее позе сквозило напряжение, во взгляде — настороженность.

Она иногда смотрела в сторону супруга, высокого вальяжного мужчины с сигарой в руках. Константин

стоял, облокотившись на перила, пускал в холодный воздух кольца вонючего дыма и делал вид, что не имеет к собравшимся никакого отношения. Это, впрочем, относилось и к его жене, с которой за весь вечер он вряд ли обмолвился хоть парой фраз. Это был хрестоматийный «новый русский», именно такой, каким их принято изображать в народном фольклоре. И пусть малиновый пиджак у него заменяла модная замшевая куртка на молнии, сути дела это не меняло. Он был и оставался таким, как есть, с преувеличенным чувством собственного достоинства, широкими жемами и масляным взглядом. Константин Кротов обретался в порочных кругах шоу-бизнеса, и это обстоятельство не только освободило его от всякого рода комплексов, но еще и наградило нахальством и бесцеремонностью. Явившись на званую вечеринку, он с непосредственностью кинозвезды поприветствовал собравшихся небрежным кивком головы и тут же распечатал коробку с кубинскими сигарами. Пустив дым в глаза гостям, в самом прямом смысле этого выражения, он принял живописную позу у перил и застыл, словно дожидаясь аплодисментов. На левой руке у него не хватало большого пальца. Это, впрочем, не особо мешало ему жить, поскольку остальными пальцами он управлялся весьма проворно.

Чиновник из ближайшего окружения мэра вид имел озабоченный. Петр Иванович, мужчина совсем еще молодых лет, на мир смотрел глазами ответственного работника, так что даже в неформальной обстановке к нему неловко было обратиться по имени. Он чрезвычайно дорожил своей репутацией и не позволял никому, даже собственной супруге, бросать на нее тень. Сегодня очаровательная Лара выпила несколько бокалов шампанского и была не в меру разговорчива, что держало его в напряжении. Он хмурился и был готов к тому, чтобы при первом же удобном моменте отвести жену в дачный домик от греха подальше.

Еще один гость, видный мужчина с изящным профилем, подпирал собой решетчатую стену беседки. Он сложил на груди руки и без особого интереса наблюдал

за гаданием. Будучи человеком научным, хорошо разбирающимся в медицине, он знал жизнь с изнаночной стороны и поэтому не верил ни в черта, ни в дьявола. К подобной чепухе он относился философски, как к забаве. Если люди любят щекотать себе нервы, то что в этом дурного?

Он пришел без пары, и, насколько это было известно Елизавете, в настоящий момент ему еще не удалось оправиться после бракоразводного процесса, третьего по счету. Известный пластический хирург Павел Грек любил женщин, неоднократно в них разочаровывался, но не терял оптимизма. На настоящий момент он был «в поиске», и Дубровская смутно подозревала, что незамужняя Эмма уже положила на него глаз...

Ян находился неподалеку, и Дубровская была рада его присутствию. Он «замещал» вечно занятого мужа и создавал иллюзию того, что Елизавета была не одна среди этих малознакомых и, по сути, не особо нуждающихся друг в друге людей.

— ...Солнце ушло на восток.
Тьма поднялась с запада.
Духи воздуха и песка, моря и пламени,
Явите ко мне ангела смерти.
С ветром посылаю эти слова,
Верните мне смерть прямо сейчас!

На последних словах руки колдуньи, до этого времени рассеянно поглаживающие магическую символику, начертанную мелом, внезапно взлетели вверх и тут же опустились, громко стукнув ладонями по столешнице. Фонарь, качнувшись на ветру, издал странный скрежет, больше похожий на стон. Дубровская вздрогнула от неожиданности.

За спиной раздалось осторожное покашливание.

— Позвольте вам заметить, милая, что солнце встает на востоке, а заходит, соответственно, на западе.

Конечно, комментарий Петра Ивановича прозвучал не вовремя и не к месту. Чиновник, привыкший руководить и направлять, не мог простить гадалке неточ-

ность. Он был страшным педантом, а чтение нравоучений всегда было его слабостью.

Эмма вытаращила на него глаза, не понимая, очевидно, о чем речь. Зато Лара, прочувствовав ситуацию, начала смеяться.

— О боже! Петр Иванович, ты такой зануда. Ну кто будет обращать внимание на подобные мелочи, если речь идет о магии?

Чиновник напрягся. Свободомыслие жены ничего хорошего не сулило. Шампанское уже вовсю играло в ее голове, и пусть пока она еще соблюдала определенные рамки, но интуиция подсказывала ему, что добром дело не кончится. Если так пойдет и дальше, то она забудет его имя-отчество и начнет величать «петушком», по домашней привычке. Спору нет, в интимной атмосфере он прощал ей маленькие слабости и даже потворствовал им, но на людях он всегда проявлял жесткость и принципиальность.

Петр Иванович взял было супругу за руку, как вдруг у нее нашелся союзник в лице дамского угодника — врача.

— Конечно, искать в заклинаниях логику и смысл — это все равно что требовать от гадалки диплом об ученой степени, — произнес хирург, улыбкой поддерживая захмелевшую даму. — Если солнце встает на западе, значит, так тому и быть. Если крысиным хвостом, зарытым в полночь на кладбище, можно снять с человека порчу, извольте — ищите крысу и отрубайте у нее хвост! Все эти мистические ритуалы никакой научной основы под собой не имеют.

— Вот-вот, — многозначительно прищурился бизнесмен и стряхнул пепел с сигары в цветочный горшок. — Все эти бабские штучки ими же и созданы для разведения лохов. Но меня, слава богу, этим не проймешь. Тьма какая-то, черти — тьфу! Чушь! А ты, поди, в это веришь?

Он ткнул пальцем жену. Та нервно дернулась и залилась краской.

— Я... я не знаю. Но вообще-то гадание не приносит вреда. Это иногда даже забавно.

Она улыбнулась какой-то жалкой, затравленной улыбкой.

Лиза подумала о том, как нелепо выглядит эта женщина в костюме ведьмы. Щедро подведенные тушью глаза, кроваво-красные губы, высоко взбитые волосы цвета воронова крыла и нелепая накидка поверх модного жакета казались несмелой претензией на известный сказочный персонаж. Но ни малейшей искры во взгляде, только настороженность и, пожалуй, страх. Мария казалась закованной в избранный ею образ, как средневековый рыцарь в доспехи. Она опасливо поглядывала в сторону супруга, словно ожидала от него очередной нахлобучки.

Критика последовала с другой стороны:

— Забавно?! Да такой подход ничего, кроме вреда, не приносит. Взять этот... как его? Хэллоуин. Что означает этот праздник и почему мы отмечаем его в России? Ответственно заявляю, что никаких исторических истоков вы к этому не найдете. Он чужд нашей культуре и забивает мозги наших соотечественников западной ересью...

Петр Иванович уселся на любимого конька и даже на время забыл о собственной супруге, которая, воспользовавшись моментом, пригубила свежий бокал с шампанским.

— ...рядиться в бесов, изображать из себя всякую нечисть — какой в этом смысл? Чему хорошему этот праздник может научить нашу молодежь? Неокрепшие умы могут быть спровоцированы...

— А по-моему, никакого криминала в этом нет, — неожиданно для себя самой встала Дубровская. — Ведь это же здорово, хотя бы одну ночь побыть детьми: нарисовать на лице черные полосы, вставить клыки. Разве вы, когда были ребенком, не любили страшные сказки про ведьм и мертвецов? А может, вы на спор бегали с друзьями ночью на кладбище?

Чинovníк опешил, словно в его присутствии и в его адрес сказали какую-то непристойность. Лара подавилась шампанским:

— Вот умора! Да ты, деточка, думаешь, что Петр Иванович был малышом? Да он родился на свет по резолю-

ции, спущенной сверху, со Сводом законов в руках и гербовой печатью вместо соски!

Петр Иванович побагровел. Его худшие опасения, похоже, сбывались. Странно, зачем он вообще согласился принять участие в вечеринке подобного рода?

Миротворцем выступил хирург:

— Да успокойтесь вы! К чему споры? Петр Иванович, как государственный муж, пытается рассуждать рационально. Уважаемый вы наш, вы абсолютно правы! Никакого проку в этом празднике нет...

— Я же говорил... — начал было чиновник, но хирург жестом фокусника остановил грозящее окружающим словоизвержение:

— Но и вреда никакого нет также! Если нашим прекрасным дамам хочется изображать из себя ведьм — я возражать не буду. Чудная забава, незабываемый досуг — кому от этого плохо?

— Кроме того, все ведьмы чертовски темпераментны. Заводят с полоборота! — заржал Константин. — Я был бы не против зажать такую в темном углу и отходить по полной программе.

Мария прикрыла лицо руками, пытаясь скрыть замешательство. Петр Иванович вздохнул, осознав, что союзников в этом сборище ему все равно не отыскать...

Реплика Эммы прозвучала неожиданно:

— Господа, я так понимаю, вы относитесь к магическому ритуалу как к глупой забаве? Вы полагаете, что, произнося древние заклинания, я разыгрываю перед вами спектакль?!

Она обвела присутствующих долгим взглядом.

— Ой, ради всего святого, Эмма! — хихикнула Лара. — Не делай страшные глаза. Ты сама-то в это веришь?

Эмма сделала вид, что не расслышала реплику. Она вытирала платком пальцы, испачканные мелом: делала это медленно, тщательно, словно каждое движение имело какой-то особый смысл. Спрятав платок в сумочку, она еще раз оглядела гостей.

— В этот день, согласно верованиям древних людей, открывались врата между миром мертвых и миром живых. Люди опасались выходить в темное время на улицу.

— Почему? — затаив дыхание, спросила Мария.

— Как почему? — встрял хирург. — Силы зла властвуют безраздельно. Бойся, грешница!

Он скалил зубы. Эмма если и обиделась на столь несерьезное отношение к своим словам, то не подала виду. Как ни в чем не бывало она продолжила:

— В эту ночь появляется уникальная возможность заглянуть в прошлое, увидеть настоящее и предсказать будущее. Неужели это не интересно?

— Боюсь, милая, наше прошлое не столь занимательно, — немедленно отозвался чиновник. — Здесь собрались люди, которые уже кое-чего добились в жизни, имеют в обществе определенный вес и даже, не побоюсь этого слова, известность.

Петр Иванович проявил почти королевское снисхождение, благосклонно причислив всех присутствующих к элитарному сообществу.

— Так что искать в нашем прошлом загадки — только время зря терять. Все размеренно, по программе и в срок! Ничего, что могло бы заинтересовать широкую публику.

— Ну, разве что кто-то из нас подкорректировал торчащие уши или удалил жир с бедер. Тише-тише, дамы, я говорю абстрактно, — улыбкой остановил хирург негодование женской половины компании.

— А кто-то, возможно, допустил небольшую неточность в декларации о доходах, — не осталась в долгу Лара. — Я тоже никого конкретно не имею в виду, а говорю просто так, для примера.

— Да и маленькие мужские шалости вряд ли кому-то будут интересны, — поддался общему настроению Константин. — Ну, если я, к примеру, люблю глазеть на женщины в коротких юбках, не назовете же вы меня за это извращенцем? Кстати, классе в пятом мне изрядно досталось от смазливой соседки по подъезду. Я всего-навсего задрал ей подол. Ничего, кроме трусов в цветочек, я не увидел. Клянусь!

Он, дурачась, задрал вверх руки.

— Не эта ли милая девчушка откусила тебе в отместку палец? — любопытствовала Лара.

— Нет. Это тоже отметина детства. Играл с приятелями в саперов — вот и нарвался на неприятности...

— Пойдите! — прервала разговор Эмма. — Вы слишком много говорите. Все вы. Меня не интересуют воспоминания вашего детства и те мелкие грешки, которыми вы так охотно делитесь с окружающими. Меня интригует то, что спрятано в вашем шкафу. То, что вы не спешите демонстрировать, то, о чем вы стараетесь даже не думать.

— Не пойму, о чем это она? — удивился Константин. — Ее интересует содержимое моего шкафа?

— Мне хочется знать о тех скелетах, которые вы там храните, — заявила Эмма, и ее глаза недобро блеснули. — Я, конечно, выражаю образно. Благодаря магии я могу вытащить все ваши секреты на свет божий. Только уютно вам будет находиться среди нас без маски?

— Меня этот разговор изрядно утомил! — схватилась за виски Лара. — И вообще, милочка, ты могла бы составить программу для вечера немного забавнее. К чему эти мрачные намеки?

— Действительно, — поддакнул Петр Иванович. — Меня подобная атмосфера напрягает. Конечно, я ни на минуту не воспринял все эти недосказанности на свой счет, но всему есть разумный предел. Думаю, что мы приятнее проведем время за просмотром телепередач.

Он подал руку жене, предлагая ей удалиться. Лара хмурилась, не зная, какое решение принять. Эмма наблюдала за этой сценой с какой-то нехорошей улыбкой.

— Вы чего-то боитесь? — спросила она.

— Чего? — изобразила удивление жена чиновника.

Эмма многозначительно пожала плечами.

— Нам нечего бояться! — отрезал Петр Иванович.

— Тогда предлагаю вам остаться, и пусть наша дорогая ведьма проведет сеанс с разоблачением, — усмехнулся хирург.

— А вы не боитесь разоблачений? — повернулась к нему Эмма.

Грек развел руками:

— Милая моя, я не боюсь ничего. Того, кто наблюдает жизнь не только снаружи, но и изнутри, не напугать. Я вижу каждого из вас в разрезе. Причем, обратите внимание, я выражаюсь не образно, а буквально.

— Пусть девушка гадает! — махнул рукой Константин. — В конце концов, будет повод посмеяться. Не нужно воспринимать все это всерьез.

— Это уж как вам будет угодно, — недовольно заметила Эмма. — Но, боюсь, мои открытия не доставят вам удовольствия. Знаете, роскошное платье не всегда скрывает безупречное тело.

— С этим я с профессиональной точки зрения согласен, — кивнул головой пластический хирург.

— Пусть душа ваша незрима, но она может быть искалечена не меньше, чем тело уроды, — продолжала Эмма, и странная ухмылка блуждала на ее лице. — Вам известно, как горят шрамы? Это бывает обычно по ночам, когда вы остаетесь один на один со своей совестью. Что вы чувствуете тогда? Раскаяние? Стыд? А может, вы не чувствуете ничего. Потому, что душа ваша уже не принадлежит вам. Она давно продана дьяволу. Но довольно об этом...

Она полезла в сумочку и достала оттуда флакон с прозрачной жидкостью и кожаный мешочек, перевязанный лентой. Как из воздуха на столе вдруг материализовались курильница и песочные часы. Эмма невнятно бормотала что-то себе под нос: не то напевала, не то произносила какие-то заклинания. Расставив все эти предметы на столе, она улыбнулась, должно быть, первый раз за весь вечер.

— Я не ишу для вас зла и не хочу навязывать вам свое общество. Я лишь предлагаю вам правила игры. Передо мной — песочные часы. Сейчас я их переверну, и время пойдет. Вы можете встать и уйти. Тогда мои разоблачения не коснутся вас. Я даже не спрошу, чем вызван ваш уход. Вы можете остаться, но тогда будьте готовы к не-

ожиданностям. Я приму ваш вызов. Хочу надеяться, что провидение будет благосклонно к вам и вы не услышите ничего из того, что вы привыкли прятать на антресолях своей души...

Ее рука, унизанная браслетами, потянулась к часам. Секунда — и песок тонкой струйкой потек по стеклянной колбе вниз. Отсчет пошел...

Удивительно, но никто из присутствующих не рассмелся, как можно было ожидать. Никто не вышел. Только Мария, нервно встрепенувшись, оглянулась на супруга. Тот взглядом пригвоздил ее к месту, а сам, демонстрируя спокойствие и выдержку, потянулся за очередной сигарой.

Дубровская чувствовала, что примерзает к месту. Ночь оказалась намного свежее, чем она могла предположить, а события этого вечера приняли интригующий оборот, так что сохранять невозмутимость ей удавалось с трудом. Она пыталась сжимать и разжимать пальцы ног, чтобы хоть немного восстановить их чувствительность, но они были неподвижны, словно выточены из камня. Она перевела взгляд на присутствующих.

Лара, закинув ногу на ногу, улыбалась. Она делала вид, что ей все нипочем. Обещанные разоблачения казались ей забавой, и она никак не могла взять в толк, почему Петр Иванович не разделяет ее веселья. Тот все время сверялся со своими часами, как будто опаздывал на деловую встречу. Она могла дать голову на отсечение, что ее занятой супруг остался здесь не по причине излишнего любопытства, а только потому, что его внезапный уход мог бы вызвать подозрения в том, что у него нечиста совесть. А этого Петр Иванович допустить не мог. Он вынужден был принять чужие правила игры, что было для него совершенно несвойственно.

Мария краешком глаза поглядывала на мужа, но не решалась ничего предпринимать. Она сидела как изваяние, не смея нарушить тишину даже вздохом. Песок утекал, и ей становилось совсем не по себе. Но воню-

чий дым сигары напоминал, что за ее спиной стоит Константин, властный и нетерпеливый, не терпящий возражений. Она не хотела раздражать его своим неуместным страхом, и поэтому ей оставалось только тупо следить за растущей горкой песка и ждать, чем закончится вся эта бредовая затея.

Павел Грек зевал, прикрыв рот холеной рукой. Но его глаза тем не менее были прикованы к злосчастным часам. Было что-то необъяснимо пугающее в той непрерывности, с которой эта допотопная вещица отсчитывала время. Не было силы, способной остановить этот процесс. Мгновения неумолимо утекали в прошлое, не задерживаясь и не цепляясь за настоящее... Последние песчинки сорвались и исчезли в море им подобных. Время истекло.

Эмма медленно подняла глаза:

— Я давала вам право выбора. Теперь у вас этой возможности нет...

Она не успела ничего добавить: раздались шаги. Ступени закрипели. Из полумрака появилась крупная мужская фигура.

— Добрый вечер! — Голос звучал дружелюбно.

Крепкие руки легли на плечи Дубровской. Губы коснулись ее волос. Сердце, встрепенувшись, забилось быстрее.

— Маска, я тебя знаю?

Этот тихий, бархатный голос был ей хорошо знаком. Ну конечно, это был Андрей! Он пришел, и Елизавета почти физически ощутила, что ей стало намного легче. Даже в озябших ногах вдруг запульсировала кровь, а щеки стали горячими.

Дубровская счастливо улыбалась. Ее муж появился как нельзя кстати. Признаться, эксперименты Эммы вывели ее из состояния равновесия, и она чувствовала себя так, будто ей предстояло сдать какой-то невероятно сложный экзамен, пройти через какое-то испытание. Ну что ж, теперь они пройдут его вместе. Им нечего бояться. Они знают друг о друге все. А разве может быть иначе?

— Надеюсь, я не пропустил ничего из того, о чем буду жалеть всю оставшуюся жизнь? — весело осведомился он.

— Нет, гвоздь программы еще впереди! — кокетливо заметила Лара.

— Вот как?

— Через несколько минут, Мерцалов, мы будем знать все твои тайны, — с усмешкой сообщил Константин. — Эмма проводит сеанс разоблачений.

— Так что, дорогой, у тебя есть еще время. Бери молодую жену и сматывай удочки в направлении домика, — шутливо посоветовал хирург. — Вдруг груз твоих грехов станет непосильной ношей для твоей половины? Послушай меня, старого и больного ветерана трех супружеских войн: женщине незачем знать твое прошлое, ее должно интересовать только твое будущее.

— Нет, мы останемся, — заявила Дубровская. — У нас нет секретов друг от друга. Да и от вас нам скрывать нечего.

— Ты уверена? — с преувеличенной серьезностью спросил ее Андрей.

— На все сто! — не задумываясь, ответила Лиза.

— Ну, тогда мы остаемся, — развел он руками.

Руки Эммы непрерывно кружили в сизом тумане. Содержимое кожаного мешочка тлело в курильнице, распространяя вокруг аромат не то каких-то экзотических цветов, не то неизвестных тропических фруктов. Свечи трепетали от движения ночного воздуха. Фонарь продолжал скрипеть над головой.

Глаза вещуньи были прикрыты. Губы непрерывно произносили слова каких-то заклинаний. Внезапно, не то от легкого порыва ветра, не то от других малообъяснимых причин, легкая струйка дыма, стоящая в воздухе вертикальным столбом, изменила свое направление. Лара не выдержала и чихнула.

— Фу-ты черт! Я сейчас задохнусь от этой вони, — капризно произнесла она.

Эмма открыла глаза.

— Это знак. Бог ночи указал на вас.

— Ну и что он там указал?

— Не торопись. Всему свое время. — Эмма опять закрыла глаза и что-то очень быстро зашептала.

Жена чиновника хотела было возмутиться, но тут голос Эммы, глухой и неузнаваемый, начал звучать громче:

— Темнота рассеивается. Что вижу я? Большое серое здание, казенный дом. Сюда есть вход. Вот только выхода нет. Здесь звучит детский плач, но он не доносится до твоих ушей. Тревожит ли он тебя по ночам? По всей видимости, нет. Отгороженная от реальности дорожками белого снега, ты витаешь в своем выдуманном мире, где каждый твой шаг достоин зрительских оваций. Тебя превозносят, тебя любят. Вот только любишь ли ты? Где *то*, что ты погубила ради своей болезненной прихоти? *Оно* еще живо. Но ты никогда не придешь сюда, не помотришь на *это*, не возьмешь *это* на руки и не назовешь своим. Но что это? Свет погас...

Эмма открыла глаза и взглянула на Лару.

— Знаком ли тебе тот дом, о котором говорил голос?

Та взвилась с места, словно только и дожидалась этого вопроса:

— Я не понимаю, о чем ты. Какой дом? Какой плач? Я не собираюсь комментировать эту чушь.

— И правильно делаешь, — раздался жесткий голос Петра Ивановича. — Я вообще удивляюсь, почему мы, известные, уважаемые в городе люди, вот уже два часа слушаем это словоблудие. Я не понимаю ваших намеков, сударыня, но подозреваю, что вы хотите каким-то образом скомпрометировать нас.

— А я думаю, вы поняли, о чем речь, — спокойно произнесла Эмма, отправляя в курильницу очередную порцию ароматических трав. — Иначе вы не реагировали бы так бурно.

— А нельзя ли конкретней, мадам гадалка? — влез Константин. — Признаюсь честно, я ни черта не понял. Нельзя ли сказать просто, в чем виновата эта милая женщина?

— Я сказала все, — твердо ответила Эмма. — Может, теперь коснемся вас? Я надеюсь, вы проявите большее мужество?

— Лара, идем отсюда сейчас же! — потребовал чиновник.

— Черта с два! — окрысилась супруга. — После того, как меня обвинили в каких-то непонятных грехах, я уйду отсюда и позволю трепать мое имя в досужих вымыслах? Я хочу узнать, что эта самозванка скажет о других. Я так поняла, что все должны получить свою порцию дегтя. Не стоит отказывать себе в удовольствии послушать, что она припасла для наших друзей.

— Лара! — умоляюще произнес чиновник, но, поняв, что сдвинуть жену с места не сможет даже бронетранспортер, махнул рукой.

Тем временем Эмма повторяла ритуал. Ее лицо в сизой завесе дыма казалось страшным, словно в эту даму, немного экстравагантную, но все же здравомыслящую, вселился не то дух, не то бес. Если в этом, конечно, есть разница. Это была уже не та хохотушка и выдумщица, какой ее обычно привыкли видеть друзья. Откуда взялось хотя бы это выражение злобного торжества на ее лице? Возникло впечатление, что ей доставляло удовольствие рассуждать о двуличии близких ей людей.

— ...Можно ли опуститься ниже того уровня, где ты находишься сейчас? Возможно все. Возьми в руки хлыст и выпусти беса наружу! Тебя заводит вид крови? А может, стоны и плач будят твое воображение? Сними свою маску, стань на минуту самим собой. Кого ты увидишь в зеркале? Животное? Нет! У тебя нет необходимости убивать ради пищи. Тобой движет инстинкт зверя, но ты сыт. Вспомни, что такое боль. Ощути ее на себе. Быть может, она тебе укажет путь к спасению...

— Все ясно, Константин, — резюмировал хирург. — Ты — законченный садист в лучшем случае. В худшем тебе грозит срок за убийство.

— Что за туфта? — возмутился бизнесмен. — С чего бы мне кого-то убивать? И почему это я похож на животное?

— Ты плохо следишь за нитью повествования, дорогой, — не унимался врач. — Если я правильно понял нашу предсказательницу, тебя опустили куда ниже жирафа. Так что, если вспомнить теорию эволюции, ты находишься сейчас где-то на уровне простейших.

— ...А ты, ловкий портной, закройщик новых лиц, ты можешь оперировать совесть? — продолжила Эмма.

— Вот и до тебя добрались, — с удовлетворением заметил Константин. — Сейчас и ты получишь по полной программе.

— ...Ты можешь почти все. Что стоит тебе выкроить безупречную фигуру или греческий нос; обмануть время, убрав ненужные десятки лет. Ты идешь вопреки божьему замыслу, творя новую наружность для нового человека. Ты почти всесилен. Но так думаешь только ты. Есть то, что ты не в силах изменить. Душу перекроить невозможно. Убийце ты не сможешь пришить доброту и сострадание, не получится убрать клеймо с его души. А кровь на его руках испачкала и твои руки. Разве ты не видишь эти пятна?

Павел слушал откровение предсказательницы, иронически улыбаясь. Он только поменял позу: прислонился к перилам, причем руки убрал за спину. Вроде ничего странного, но в свете обвинений Эммы это выглядело почти символично.

В курильнице продолжали тлеть засушенные травы, вот только аромат их стал терпким. Дубровская почувствовала трепет. Подходила их очередь, и, хотя для беспокойства не было решительно никаких оснований, Лиза ощутила холодок в груди. Ничего особенного. Но он рос, ширился, заполнял все ее естество, так что стало больно дышать. Она разумом понимала, что это глупо, но ничего не могла с собой поделать.

— ...Ты боишься своих снов? Как ты относишься к кошмарам? Ты кричишь по ночам? Тебя можно понять. Кровавая река, текущая среди скал, кого угодно сведет с ума. И ничего уже нельзя изменить. Тот мостик был так же шаток, как и твоя память. Твое прошлое рухнуло вниз, на острые камни. Все ли разбилось? Поспешу те-

бя удивить: нет, не все. Кое-что осталось. Надеюсь, сегодняшней ночью тебе приснится кошмар...

Елизавета не видела лица Андрея, но почувствовала, что его рука сжала ей плечо. Она побоялась оглянуться, хотя внутренний голос навязчиво шептал ей: «Ну же! Ты должна видеть его глаза. Тебе все сразу станет ясно». Но она сидела как ни в чем не бывало и смотрела вперед сквозь завесу дыма. Она не стремилась знать правду. Ее устраивала призрачность. Слова Эммы звучали так обтекаемо...

Тем временем новоявленная колдунья достала из очередного пакетика какой-то порошок и бросила его в тлеющую траву. Лица присутствующих озарила вспышка. Дамы невольно отшатнулись от стола. Но никто не покинул беседку. Никто не ушел.

— ...Я силы колдовские призываю в час
полночный,
Средь нас есть дьявол в человеческом обличье.
Он гладок речью и статью вышел,
Вот только метит шельму бог, гласит поверье,
Он носит метку сатаны с рожденья,
Кровавый шлейф за ним течет рекой,
Из душ загубленных наживы ради,
И вряд ли он найдет себе покой
В земле, на небе или на водной глади...

Огонь погас. Эмма обвела всех долгим взглядом.

— Это достойно аплодисментов, — саркастически заметил хирург и даже несколько раз демонстративно хлопнул в ладоши. — Наша вещунья перешла на поэзию. Еще немного, и мы услышим пение.

— Ну, лично я этого дожидаться не собираюсь, — резко заметил Петр Иванович. — С меня довольно! Ты остаешься?

Вопрос был адресован, разумеется, супруге. Лара пожала плечами, но все-таки встала. Она нетвердо держалась на ногах.

— Чертовы каблуки, — проворчала жена чиновника,